

Владимир ПРОСКУРИН

КРУТИТСЯ-ВЕРТИТСЯ КОЛЕСО

Очерк

В мае 1892 года столицу Семиречья город Верный (ныне Алматы) посетили два американских путешественника – 25-летние Томас Аллен и Уильям Сахтлебен, совершавшие двухлетний кругосветный велопробег по дорогам Северной Америки, Европы и Азии. Были получены международные паспорта, дорожные карты и предписание к охране иностранцев, а население предупреждено о проезде «двух заморских людей на железных лошадях». Событие в истории небывалое!

Кругосветники Томас Гаскелл Аллен-младший и Уильям Льюис Сахтлебен. 1890

Есть простые вещи, способные поднять настроение человека. Скажем, аттракцион... с велосипедом, который долгое время был средством передвижения лишь на арене цирка. Да, то было магическое колесо, приводимое в движение педалями, а неременная игра мышц артиста шла на радость зрителю. Обыкновенное чудо из сверкающего металла, с серебристыми спицами, с изогнутым рулем, кожаным седлом и кручеными ободами!

Именно так выглядело появление весной 1892 года в Заилийском крае и городе Верном механического самоката, который влюбил в себя семиречков с первого взгляда! Это же ни дать ни взять – иллюзион на неблагоустроенных улицах столицы Семиречья, где традиционным способом передвижения был гужевой транспорт – на ишаках, на волах да на лошадях.

В ту пору лучшим считался разработанный британским инженером Джеймсом Старли велосипед Penny-farthing образца 1870 года – с огромным, в рост

ездок, передним колесом и очень маленьким задним. Свои попытки овладеть невиданным доселе аппаратом великий американский романист Марк Твен с присущим ему юмором описал в рассказе 1886 года «Укрощение велосипеда» («Taming the Bicycle»). На таком велосипеде в 1884–1886 годах уроженец Англии Томас Стивенс, заработавший деньги тяжелым трудом в шахтах Колорадо, стал первым в мире кругосветным велотуристом. Нужно, правда, отметить, что, не решившись ехать через Сибирь или Среднюю Азию, англо-американец немалую часть пути от столицы Персии Тегерана до японской Иокогамы проделал на пароходах и поездах. Огромная заслуга Стивенса состоит в том, что на основе своего путевого дневника он опубликовал в 1887 году в Лондоне богато иллюстрированный двухтомник «Вокруг света на велосипеде» («Around the world on a bicycle»).

Да и в дальнейшем, уже после Томаса Аллена и Уильяма Сахтлебена, Туркестан и Сибирь не раз пересекали на велосипедах и по железной дороге англо-американские путешественники, многие из которых занимались, по сути, промышленным шпионажем. Именно так можно оценивать блуждания по Сибири и Монголии Эвана Аспри. Роберт Льюис Джефферсон свои впечатления от Сибири 1896 года запечатлел в книге «Путешествие по Сибири. Транссибирская магистраль, золотые промыслы Азиатской России» («Roughing it in Siberia, with some account of the Trans-Siberian railway, and the gold-mining industry of Asiatic Russia»), в 1898 году в снега и тайгу Сибири-матушки внедрялся всё тот же Томас Аллен.

Обогнув берега Босфора, самокаты двинулись в Персию

Молодые американцы, бакалавры Томас Аллен и Уильям Сахтлебен, только что окончившие инженерный факультет Вашингтонского университета в Сент-Луисе (штат Миссури), «...решили дать практическое завершение своему теоретическому образованию». Новые туристы из Америки выбрали для поездки велосипед Rover Safety Bicycle образца 1885 года, разработанный инженером Джоном Кемпом Старли, племянником умершего к тому времени Джеймса Старли. По другим источникам, например, «To Constantinople on a Bicycle: The Journey of Two American Adventurers in 1891», они ехали на велосипедах Humber Safety. Янки везли с собой скромный багаж, не свыше 30 фунтов – два шерстяных одеяла, две новые фотокамеры, необходимую в пути жестянку для смазки машин, в чемоданчиках разные мелочи, географические карты и путеводители.

23 июня 1890 года парходом Нью-Йорк – Ливерпуль путешественники достигли Европы. Туристы объехали средневековые замки Англии и Шотландии, перебрались в цветущие сады Франции и проникли в сказочные горы и долины Италии. С пользой для себя и дела самокатчики исколесили главные города и веси и двинулись в сторону Древней Эллады. По их мнению, европейский велопробег был не более чем детская забава.

3 апреля 1891 года американцы с берегов Босфора направились в Эрзерум. Нагрузившись сведениями из энциклопедий, словарей турецкого, персидского, русского и китайского языков, начали изучать азиатские подробности окружающих стран. Прибыв в Баязет, отважные американцы поднялись на легендарную гору Арарат и водрузили на её вершине национальный флаг.

Не обходилось в азиатском странствовании без приключений. Собственно дорог не было, но тянулись верста за верстой караванные пути с гужевым транспортом. Не было на бурных реках мостов, и с риском для жизни, только в дневное, безопасное от преступников время, путешественники могли медленно продвигаться вперед. При этом терялось время на ремонт. Ломалось

управление, гнулись о колдобины колеса и вылетали на горных тропах спицы. Местные кузнецы не владели мастерством починки велосипедов, и «лечить» машины приходилось самим.

Чужаки возбуждали чрезвычайное любопытство в степи. Тьма народу валом сбегалась увидеть раз в жизни «самодвижущуюся машину». Жители называли велосипеды «шайтан-арба» или «железный мул», подбирая к случаю верные фразы и словечки. Под улюлюканье и зубоскальство толпы, порой злостное негодование, аулчане заставляли кататься взад и вперед утомленных путников. Им приходилось заглушать восторг населения, демонстрируя чудеса эквилибристики и искусство езды перед всевышними губернаторами и властными чиновниками, беззастенчивыми слугами и солдатами. Были и другие весьма серьезные неприятности, вплоть до проволок с визами, непредсказуемого ареста или преднамеренной задержки маршрута. Кроме того, самодкатчики испытывали немало столкновений с упрямыми ишаками или свирепыми животными, которые старались стащить жертв с велосипедов. В особых случаях приходилось обороняться с помощью револьверов. И не только от агрессивных овчарок, но и от обкуренной гашишем черни. Лишь чудом они остались живы, оказавшись в ловушке мусульманского Мешхеда, где случился бунт. Пришлось возвращаться под защиту шаха в Тегеран.

В Анатолии Уильям Сахтлебен тяжело заболел тифом и пролежал три недели в бессознательном состоянии. В Китае, отравившись прогорклым маслом, слег в постель Томас Аллен. Позднее он писал: «Я думаю, что каждый, кто хотя раз имел случай вдохнуть в себя аромат китайского базара, узнал бы близость его безошибочно и с завязанными глазами, – до того врезается в память этот тошнотворный букет грязи, кунжутного масла, мускуса, опийного и табачного дыма и проч. Аромату, меня здесь встретившему, соответствовала и вся окружающая картина».

Вот поворот какой... Красноводск – Ташкент на маршруте

В Тегеране пришлось ждать до двух месяцев разрешения на выезд. Вот почему был выбран более удобный маршрут, не прямо в соседний Китай, а окольными путями через земли Туркестана и Сибири. Первым, кто оказал содействие туристам, был генерал Алексей Николаевич Куропаткин, начальник сформированной десять лет назад Закаспийской области. И путешественники с облегчением двинулись от равнодушного Мешхеда в гостеприимный Асхабад.

Водным путем преодолев Каспийское море, велотуристы оказались в Туркестанском крае, в окрестностях Красноводска. В воспоминаниях они отметили, что приграничное шоссе, построенное русскими путейцами под началом генерала Михаила Николаевича Анненкова, казалось паркетом после бездорожья Персии. Американцы крутили педали в сто раз быстрее, проезжая в день по 145 верст. Всего же по Русскому Туркестану путешественники проехали 1131 милю (1697 верст).

Во время встречи и беседы с генералом Куропаткиным наметилась корректировка дальнейшего маршрута. Во внимание были приняты зыбучие пески, поэтому часть пути до Ташкента была проделана по Закаспийской железной дороге, описанию строительства которой уделено большое место в романе Жюль Верна «Клодиус Бомбарнак». Записная книжка репортера об открытии большой Транс-азиатской магистрали», опубликованном как раз в 1892 году. В нем автор отправил своего героя в богатое приключениями путешествие из родного Парижа в загадочный Пекин. И наверняка великий писатель-фантаст придумывал сюжетные ходы романа, слушая рассказы и рассматривая снимки своего друга – пу-

тешественника и фотографа Поля Надара. Тогда в мир светописы пришла самая совершенная на то время американская фотокамера Kodak, заряженная пленкой. Ею пользовались и Аллен с Сахтлебенем, оставившие три сотни раритетных фотоснимков с портретами, произведениями зодчества, событиями. Кстати, в Бухаре и Самарканде американцы были радушно приняты эмиратом и совершили увлекательные поездки по восточной стране, познакомились с памятниками древней архитектуры, самобытной историей и культурой Средней Азии.

Около года Сахтлебен и Аллен пробыли в Ташкенте, административном центре Туркестанского края, изучая нравы и традиции местных народов и даже овладев в достаточной мере разговорным русским языком. Американцы волей-неволей вдохновили русский Туркестан не только на увлекательные и зрелищные мероприятия, но и на спортивные успехи. Известно, что по старому стилю 22 апреля 1894 года в Ташкенте открылось Общество велосипедных любителей, тем самым Туркестанский край вошел во всероссийское двухколесное движение. А колесо продолжает крутиться-вертеться во времени и событиях, отщелкивая спицу за спицей, оборот за оборотом, из туманного прошлого в беспредельность...

Город Верный и Семиречье встретили... велосипед

К началу мая 1892 года отдохнувшие велосипедисты двинулись через Чимкент – Аулие-Ата (ныне Тараз) – Мерке – Пишпек (ныне Бишкек) в Семиреченскую область. Их путешествие началось от села Карабалта в сопровождении казачьего конвоя. В Верном они были тепло встречены губернатором области и наказным атаманом генералом Григорием Ивановичем Ивановым и парадом Семиреченского казачьего войска. Американцы остановились в гостинице Михаила Аликина. Домашний ужин был приготовлен руками добросердечной хозяйки Пелагеи. Из окон номера предстала красивая панорама гор Заилийского Алатау с вершинами, покрытыми вечными снегами. В первый же день приезда в Верный янки любовались грозой. Среди окутанных густыми облаками ущелий где-то далеко вспыхивала ярко-красная молния и глухо отдавалось эхо раскати-стого грома.

Город, расположенный на высоте 2500 футов над уровнем моря, улицами и базаром отчасти напоминал гостеприимный Ташкент: те же арыки, те же густые тальники и пирамидальные тополя. Верный славился казенным садом для гулянья публики: большое разнообразие цветов и растений, играют оркестры, малышня катается на осликах. И хотя оплывины и руины зданий, общая неухоженность напоминали о разрушительном землетрясении 28 мая 1887 года, радовал взгляд своей благоустроенностью Гостиный двор со Знаменской часовней в память трагедии.

Выше рынка столица Семиречья, застроенная в ту пору благоустроенными прямоугольными кварталами одноэтажных хат – с садами и огородами, цветниками, домашним хозяйством и скотом, птичниками и зверофермами, тянулась от современных улиц Макатаева, Валиханова и Шевченко вдоль проспекта генерала Колпаковского (ныне Достык). Казалось, оседлое поселение ушло в прошлое, когда в хатах казаков-первопоселенцев, по казенному найму и суровым обстоятельствам, разместились правительственные, церковные, лечебные и прочие учреждения. Общественная жизнь покалеченного природой Верного постепенно оживилась в Алматинской станице.

Городской архитектор Павел Васильевич Гурде, француз, свободно владеющий европейскими языками, профессиональный педагог и инженер, юрист и предприниматель, познакомил гостей с верненскими новостройками после землетрясения 1887 года: «Новое здание Приюта, архиерейский дом с церковью начинается постройкой, губернаторский дом строится и уже возведен до по-

Штаб войск Семиречья на перекрестке Пушкина и Штабной (Гоголя)

становки стропил». Американцы сфотографировались с местным мастером светописи Абрамом Соломоновичем Лейбиным на фоне чудного творения зодчего Гурде – деревянного Верненского приюта с Александро-Мариинской церковью и службами.

Гостинодворский рынок в бывших торгово-промышленных павильонах купца Садыка Рафикова (теперь ставший железобетонным «Зеленым базаром») предстал перед горожанами и их гостями в невообразимом хаосе – крик, шум и гам продавцов, покупателей, животных. Тут и там ослы с дровами и корзинами, коровы, лошади и волы, везущие высокие телеги с клевером. Разноцветные, громадных размеров зонтики защищают от солнца дунган и таранчинцев (т. е. добрососедских уйгур) с цветной капустой, урюком и абрикосами. Изредка прошмыгнет с кульком под мышкой бывалый русский солдатик в розовых чамбрах. По улицам то и дело скачут калмыки с длинными женскими косами, каракиргизы важно покачиваются на верблюдах, китайцы в огромных соломенных шляпах и с обязательным веером в руках. Всюду жители Татарской слободы передвигают двухколесные тележки с овощами. Изредка прогремит бляхами и бубенцами пара офицерских лошадок или мягко прокатится из Общественного собрания на сытых серых конях большая коляска с франтовато одетыми дамами.

В дневниках американцы живописно отмечают, что на улице можно встретить кибитку с целым семейством киргизов и казахов: «...голые детишки бегают и играют у арыка, лошади пасутся, ходят бараны и коровы, а сама хозяйка, спустив с плеч сорочку и спрятав в тын голову, выставила на солнышко жирное лоснящееся тело и предается кейфу. Как видно, здесь ничем не стесняются». В сочетании с диковинными велосипедами американцев всё это представляло удивительное зрелище. Даже оборванные старики-дервиши, у которых сквозь рубище проглядывает голое коричневое тело, живописны, а калмычки с длинными черными косами, остроконечными шапочками, одетые в до невозможности грязные и длинные рубашки, так и просятся на картину.

Другие встречи с семиреченцами и консультации с топографическими картами определили дальнейший путь велопробега. Американцы провели время в Заилийском крае, побывали высоко в горах, у подножья главной горы Талгар и на озере Иссык, поучаствовали в казачьих джигитовках в Большой Алматинской станице: по словам янки, скачках не менее ярких, чем «верховая езда южно-американских cow-boys и гаучосов».

Верненский приют (на перекрестке нынешних улиц Наурызбай батыра и Кабанбай батыра). Арх.: П. Гурде. Фото: А. С. Лейбин

Верный и его окрестности со своей оригинальной обстановкой и радушным обществом до такой степени понравились Аллену и Сахтлебену, что в наступившую-таки минуту отъезда им очень не хотелось уезжать. С другой стороны, было понятно, как хочется участникам велопробега увидеться с долгожданным Китаем. Тем более что отправка багажа с велосипедной техникой из Лондона в Верный, Омск, Томск невероятно задерживалась. Но, делать нечего, сев на велосипеды, они махнули провожающей толпе, и маленький караван в сопровождении казаков тронулся в путь.

4 июня 1892 года велосипедисты прибыли в казачий выселок Илийский и по новому мосту перебрались на правый берег величественной реки. Взобравшись на Алтын-Эмельский перевал, ведущий в Копальский уезд, они долго любовались простором Илийской долины и окрестностей белоснежных Талгарских вершин Алатау. Казаки, сопровождавшие туристов, указали путь из Кугалов на Кокпекты, по которому янки собирались в Сибирь.

Путешественников здесь встретила большая делегация семиреченских казаков в составе председателя Войскового правления Семиреченского казачьего войска полковника Ивана Семеновича Волкова, командира 1-го Семиреченского казачьего полка полковника Петра Сергеевича Щербакова, а также двух обер-офицеров, девяти станичных атаманов и пяти выборных депутатов. Вечером провожающие собрались у костра аула султана Тезека Нуралиева. Вспомнили ученого-путешественника Чокана Валиханова, посетив его могилу. Впереди вдоль русла реки Или иностранцев ожидали дунгано-уйгурские и прочие мусульманские поселения – Джаркент, Хоргос и Кульджа с неповторимой средневековой архитектурой, острой восточной кухней, музыкальным и танцевальным времяпрепровождением, отдыхом и ночлегом среди персиковых и виноградных садов.

Путники узнали, что такое пустыня Гоби и Китайская стена

В Кульдже американцы были приняты российским консулом Виктором Матвеевичем Успенским и пробыли там долго, так как потребовался ремонт самокатов, сильно пострадавшим в пути. Консул рассказал историю поселения, добавив, что Кульджинский край в 1871–1883 годах входил в состав Российской империи – Туркестанского края, Семиреченской области, после чего

Мост на реке Или. Фото: И. Толшин. 1884

был возвращен Китаю (Кульджа, ныне Инин, в составе Или-Казахской автономного округа СУАР). Край делился на два участка – Северный, по правому берегу реки Или (центр Кульджа), и Южный – по Илийскому левобережью, включающий город Кульджу, два китайских села Лауцугун и Чимпанцзи, уйгурские и дунганские поселения, кочевья казахских родов суванов, кызаев и байджигитов, сумуны калмыков и солонов, численность населения которых составляла свыше 46 тысяч человек. После ликвидации Кульджинского края 29 мая 1882 года были организованы разграничительные комиссии по границе с Китаем.

Из достопримечательностей американцы посетили две главные мечети и кумирню в китайском стиле, кирпичные дома и тенистые усадьбы с фигурными черепичными крышами. Здесь еще с 1872 года был разбит казенный сад, называвшийся Айрам-бак, в котором были высажены фруктовые деревья, разбиты цветники, устроены дорожки, создан султанский зверинец. Со временем сад превратился в излюбленное место гуляния горожан. Заглянули американцы в рестораны с уйгурской кухней и на постоянные, подвижные и разнородные рынки, один из которых – китайский – привлек продажей самых разных многокрасочных и благоухающих цветов. Надо заметить, что до мусульманских восстаний 1862–1877 годов, повлекших варварское и кровавое время, когда торговля и благополучие края упали, на базарах можно было купить китайские шелковые ткани, фарфоровые изделия, драгоценные камни, бурханы (чугунные статуэтки, изображающие богов). Теперь прежнего изобилия нет, вещи стали бытовой археологией или несравненно вздорожали.

В окрестностях Суйдуна, в знаменитых уйгурских садах, янки объедались абрикосами, персиками, гранатами, виноградом и тутовником. Каждый из американцев вез под седлом по 24 английских фунта. Перед отъездом путешественники оставили лишние вещи, сохранив одежду и одеяла, записные книжки и карты. Взяли вездесущую фотокамеру и пару надежных револьверов да не забыли бритву, которой поочередно брили друг друга. Кроме русских бумажных денег, запаслись пятью фунтами серебра. Консул снабдил путешественников на дорогу чаем и сахаром, необходимой аптечкой с лекарствами. Днями они продолжили путь в Хами через Манас, Гачен, Баркуль, проделав пустынными тропками первые китайские 1271 версту. Впереди их ожидала Гобийская пу-

стыня – губительная часть маршрута, с ночевкой под открытым небом, утолением жажды у соленых колодцев и голодом кочевой кухни. К тому же не было спичек и мыла, изредка стиранное белье высушивалось степным ветром на ручках велосипедов.

Здесь неумолимые самокатчики заменили обувь на более удобные в быту и на природе китайские сандалии и носки, плантаторские шлемы на круглые фетры – войлочные шапки, защищающие от июльского солнца. «...Поскольку мы постоянно переходили вброд [через ручьи] и много шли пешком, наши русские ботинки и чулки, один из которых был почти полностью разорван хитрым броском китайского спаниеля, стали совсем негодными. Вместо них нам пришлось приобрести короткие китайские носки из белой ткани и плетеные сандалии, которые оказались прекрасной заменой для велосипедной езды и перехода через ручьи; они были легкими и мягкими на ноге и очень быстро сохли».

Встреча изнуренных долгим путешествием американцев с Великой Китайской стеной прошла обыденно. В воспоминаниях остались строки, мол, стена не более земляного валика и не выше двух аршин.

Примечательно, что в своем романе «Дар», последнем, написанном на русском языке, Владимир Набоков так упоминает этот велопробег устами своего героя Федора Годунова-Чердынцева:

«Далее шли тихие гобийские пески, проходил бархан за барханом, как волны, открывая короткие охряные горизонты, и только слышалось среди бархатистого воздуха тяжелое, учащенное дыхание верблюдов да шорох их широких лап. То поднимаясь на гребень барханов, то погружаясь, шел караван, и к вечеру тень его принимала огромные размеры. Пятикаратный алмаз Венеры на западе исчезал вместе с вечерней зарей, которая всё искажала бланжевым, оранжевым, фиолетовым светом.

И отец любил рассказывать, как однажды на таком закате, в 1893 году, в мертвом сердце Гобийской пустыни он повстречал, – сначала приняв их за призраки, занесенные игрою лучей, – двух велосипедистов в китайских сандалиях и круглых фетрах, американцев Сахтлебена и Аллена, невозмутимо совершавших спортивную поездку через всю Азию в Пекин».

День 22 октября 1892 года в столице Китайской империи запомнился окончанием двухлетнего велопробега. Туристы без одежды весили: первый – 149 фунтов 8 унций (меньше 68 кг), второй и вовсе – 136 фунтов 8 унций (62 кг). Однако прибыли они в желанный Пекин здоровыми и телом, и духом. И первым, кто встретил его участников, был второй секретарь российской дипломатической миссии в Пекине Иван Яковлевич Коростовец, приложивший немало усилий, дабы запечатлеть Томаса Аллена и Уильяма Сахтлебена на фотоснимках и в очерках, первый из которых под названием «Путешествие двух велосипедистов из Европы в Азию» был опубликован в № 3 за 1893 год журнала «Нива» (стр. 66–68).

Из столицы Поднебесной империи велотуристы отправились на Японские острова, откуда пароходом отплыли в Сан-Франциско. На родине они пересекли на велосипедах Соединенные Штаты и благополучно возвратились в ожидающий их Нью-Йорк. Американцы провели в пути 15 044 мили (свыше 20 тысяч верст) – в условиях холода, голода, жажды, утомления от назойливости людей, враждебности собак, страданий от укусов комаров и насекомых. В этом грандиозном велопробеге Томас Аллен и Уильям Сахтлебен показали исключительное хладнокровие, смелость, выносливость и энергию, справившись со всеми дорожными и житейскими трудностями.